

Рина
БЕЖ

После
ИЗМЕНЫ!

ТЕРНИСТАЯ ДОРОГА К *себе*

Рина Беж

После измены.

Тернистая дорога к себе

<https://litres.ru/74206839>

Аннотация

– Анна, расскажите мне, за что вы до сих пор не можете простить себя? Я смотрю на психотерапевта и начинаю говорить. Без остановки. Почти час. Выплескиваю всё, что копилось внутри. – Я не могу простить себя за то, что не заметила предательства сразу. За то, что проглатывала тревожные звоночки, которых было достаточно много, и молчала, когда он приходил в два ночи. За то, что оправдывала его большим объемом работы, стрессом, усталостью... Каждое «за то, что» падает, как камень в глубокий колодец. Я говорю, и слезы на глазах все же выступают. Ольга Викторовна без слов протягивает мне коробку салфеток и кивает, побуждая говорить. Когда я замолкаю, она мягко спрашивает: – А теперь представьте, что это говорит ваша лучшая подруга. Что бы вы ей ответили? Я закрываю глаза. Представляю Катю. Или себя – но ту, новую, которая бежит по шесть километров и подписывает большие контракты. – Я бы сказала... Ты не виновата. Ты любила. Ты доверяла. Ты делала всё, чтобы сохранить семью. А он всё, чтобы её разрушить. Твоя вина только в том, что ты слишком

долго верила, что можешь всё исправить одна. Но это не вина. Это любовь. И ты уже отпустила её...

✓# Альфа-самцов в истории нет ✓# Героиня медленно, но верно будет возвращать себе себя по правилу: "Спасение утопающих - дело рук самих утопающих" ✓# Муж второго шанса не получит ✓# ХЭ будет, но без розовых единорогов

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Меня будит запах кофе. Ни будильник, ни гул шумного проспекта за окном, а именно он – густой, насыщенный аромат с лёгкой горчинкой. Тот самый, который Алексей варит только по выходным.

Странное дело, ведь сегодня только вторник. Впрочем, неважно. Главное, что муж проснулся раньше меня и решил побаловать – сделать маленькую приятность, чтобы я улыбнулась ещё до того, как открою глаза.

– Доброе утро, солнышко, – теплые губы едва касаются моего уха и рассыпают колкие мурашки по спине.

Алексей опускает чашку на тумбочку и присаживается ко мне на постель. Его широкая ладонь ложится мне на талию, тёплая, тяжёлая, родная. Поглаживает... и я тянусь, как кошка, чтобы стать к нему ближе, прижаться лицом к крепкой груди, сделать вдох и наполнить легкие его запахом.

Девять лет вместе, а я всё ещё таю от этого сочетания – его геля для душа, кофе и чего-то неуловимо «нашего».

– Ты сегодня рано, – бормочу, не открывая глаз.

– Хочу успеть до планёрки кое-что перепроверить в отчетах. И до ухода обнять и поцеловать свою жену.

– Ну раз так, тогда целуй, конечно...

Со смешком разрешаю и довольно жмурюсь, когда Алексей выполняет то, о чем говорит. Целует меня сначала в ма-

кушку, потом в висок, потом в губы. Медленно, как будто мы никуда не торопимся. Хотя оба, естественно, спешим: я – на созвон с клиентом в десять, он – в офис к девяти.

Но эти пять минут принадлежат только нам.

Двоим.

И я верю в них больше, чем в любые клятвы.

Когда муж покидает спальню, я еще немного валяюсь, пью кофе и пялюсь в потолок. Он белый, ровный, идеальный. Как и вся наша спальня. Светлые стены, светлая мебель, светлая дверь, огромное окно без штор – Алексей ненавидит темноту. Над кроватью – яркое пятно, фотография, где мы отдыхаем с ним на Мальдивах.

Вспоминаю, как вешала ее несколько лет назад и немного грустно улыбаюсь. Тогда я думала, что мы непременно скоро повторим заезд, только будем уже втроём. Я, Лешка, наш малыш.

Но муж посчитал, что беременность нужно отложить ...

«Анют, давай подождём, пока карьера встанет на ноги».

Карьера встала. Уже давно. А ребёнка – у нас так и нет. И я уже о нем не прошу. Не хочу ругаться с мужем, давить и настаивать.

Услышав звяканье посуды, зеваю и выбираюсь из постели. По любимой привычке накидываю поверх майки, в которой спала, Алешкину рубашку. Босыми ногами шлепаю на кухню. Там меня уже ждет вкусный завтрак: овсянка со свежими ягодами, тосты с авокадо и мой любимый апельсиновый сок.

Муж, стуча ножом, нарезает банан и скидывает кусочки в свою тарелку с кашей. Мне не предлагает. Отлично знает, что я его терпеть не могу.

– Садись за стол, – командует он, обернувшись.

– Сажусь-сажусь, – соглашаюсь без споров, но вместо этого приближаюсь и обнимаю его со спины. Улыбаюсь. – Лёш, ты меня балуешь. Знаешь об этом?

– Знаю, конечно. Но кто ж ещё будет? – подмигивает он, накрывая мои ладони своими. – Только у меня есть эксклюзивное право баловать свою жену.

Мы завтракаем, обсуждая планы на день, и смеемся над проделками непослушного кота из дурацкого ролика, который ему скинул приятель. Потом Алексей уходит. Но прежде целует меня у двери так, будто мы расстаемся не на восемь часов, а как минимум на целый месяц.

– Люблю тебя, Ань.

– И я тебя. Очень. До вечера.

Дверь закрывается.

Я еще минуту переминаюсь с ноги на ногу, улыбаясь сама себе. Потом иду в гостиную и включаю ноутбук. Работу никто не отменял.

День катится по привычной колее: бриф от клиента, правки презентации, созвон, где я уверенно накидываю идеи, которые придумала ночью. К трём часам в теле ощущается приятная усталость.

Делаю перерыв и, наливая себе чашку чая, пишу един-

ственной и незаменимой подруге Кате сообщение:

«Сегодня Лёшка опять кофе в постель мне принёс. Я за него замуж второй раз выйду!))»

Она отвечает через две минуты. Смайликами-сердечками и привычным: *«Счастливая сучка))»*.

Усмехаюсь. Действительно, я – она и есть. Счастливая сучка.

Ни дать ни взять.

Сама себе завидую.

Вечером после ужина валяемся с Алешкой на диване. Тесно прижавшись друг к другу, смотрим сериал. Его рука лежит у меня на бедре, пальцы лениво рисуют круги.

Положив голову ему на плечо, я отвлекаюсь от не лучшей игры актеров и думаю: «Вот оно – настоящее счастье. Не громкое, не киношное. Просто мы. В пижамах, без марафета, зато с нежностью в глазах».

– Ань, – вдруг произносит муж тихо, – ты знаешь, что ты у меня самая лучшая?

– Знаю, – смеюсь, скрывая смущение. – Ты мне это каждый день говоришь.

– И буду говорить.

Он склоняется к моим губам и целует уже не утренним легким поцелуем, а вечерним, тёплым, жадным и обещающим.

Сериал идет побоку. Мы про него забываем, перебираемся в спальню. И там всё происходит, как всегда: медленно,

нежно, знакомо до мурашек.

Расслабленный, Алексей засыпает первым. И даже во сне обнимает меня так крепко, будто боится, что я исчезну. У меня же сна нет ни в одном глазу. Лежу в темноте и улыбаюсь, глядя в потолок. А еще думаю, как же сильно мне повезло.

В эти минуты, наполненные теплом, расслабленностью и негой я еще не знаю, что это последняя ночь, когда я засыпаю с подобной мыслью.

Утро следующего дня снова идеально.

Алешка опять встает раньше, опять варит кофе. Целует меня сладко-сладко и обещает:

– Вечером постараюсь пораньше, Анют!

– Ловлю на слове, милый!

Провожая его до двери, целую на прощание и машу рукой из окна, как дурацкая героиня романтической комедии. Но мне все равно, кто и что подумает. Главное, это наши отношения, наша незримая связь и улыбка, которая озаряет любимое лицо моего мужчины.

Потом сажусь работать.

В одиннадцать приходит уведомление от банка:

«Списание 4800 рублей. Кафе «Маленькая Италия»»

Я хмурюсь. Странно. Мы не были там уже месяц. Но, может, у Алексея там проходила какая-то рабочая встреча, или он покупал кофе и выпечку на всех коллег?

Отложив телефон, решаю его не дергать и не спрашивать. Зачем портить настроение мелочью в разгар рабочего дня? Вот вечером увидимся и спрошу.

В два часа растираю уставшие от компьютера глаза и устраиваю себе перерыв. Катя как раз скидывает смешной мем про подруг, которые вместе и в горе, и в радости, и в дуруности особенно. Хихикая над ним, решаю ответить чем-то схожим. Вспоминаю про ролик, над которым мы смеялись с Лешкой накануне.

Мне он его не пересылал. Показывал со своего телефона. Но проблемы, чтобы найти его, нет. Телефон и домашний ноутбук Алексея синхронизированы, имя друга помню. Стасян. Отправляю прямо с него на себя. А там уже Кате.

Уже предвкушая эмоции, что выплеснет на меня подруга, иду в кабинет и без всякой задней мысли пробуждаю экран. Пароль известный – день нашей свадьбы. Мы никогда ничего с мужем друг от друга не скрываем.

Экран загорается.

Я открываю мессенджер. Пробегаю глазами по контактам, чтобы отыскать того самого «Стасяна».

И мир раскалывается.

Сверху, в непрочитанных, висит никнейм «Стажёр». И вроде всё нормально, всё правильно... стажёр и стажёр... но начало сообщения пудовым кулаком бьет под дых:

«Мальш, вчера было невероятно...»

Не раздумывая, проваливаюсь в самую переписку.

«Мальши, вчера было невероятно! (значок огня)», «Когда повторим? Я без тебя скучаю».

Под текстом фото.

Фото стажёра.

Точнее, стажёрки. Блондинка. Молодая, лет двадцать пять, симпатичная, глаза большие, губы пухлые, в его рубашке. *Моей рубашке.* Той самой, которую я надевала вчера с утра.

Ноги не держат. Я опускаюсь на пол. Прямо там, в кабинете, среди папок с бумагами и с монитором, который продолжает светиться экраном.

Руки трясутся. Горло сжимается так, что я не могу вдохнуть.

Это не может быть правдой.

Это просто ошибка.

Это кто-то другой.

Но я уже стягиваю ноутбук к себе на колени и прокручиваю переписку выше.

«Ты сегодня был богом», «Я люблю, когда ты меня так...», «Приезжай сегодня. Порадуй меня, что твоя жена в командировке»

Последнее сообщение прислано вчера в 23:47.

В то время, когда Алексей лежал рядом со мной и шептал, что я самая лучшая.

Я не кричу. Не плачу. Я просто сижу на полу и смотрю на экран, пока он не гаснет. Потом снова загорается, когда

я касаюсь тачпада.

И тут всплывает новое сообщение. Снова от нее.

«Лёшенька, почему ты молчишь? Ответь мне. Я волнуюсь... (красное сердечко)»

Постепенно накрывает пониманием: моя идеальная иллюзия закончилась. Счастливая семейная жизнь лопнула, как мыльный пузырь.

Дорогие мои, добро пожаловать в новую историю "После измены. Тернистая дорога к себе". Жанр выставлен, как мини, но по факту это короткий любовный роман в жанре драмы.
Здесь не будет крутого мачо, который придет разрулить все проблемы героини. Анна сама будет справляться с болью предательства. Большая часть истории посвящена именно этому: дороге к себе, восстановлению из пепла. Название соответствующее и даже говорящее))
ХЭ обещаю.
Всех приглашаю)))

Глава 2

Я сижу на холодном паркете кабинета, прижав колени к груди. Ноутбук Алексея лежит рядом. Как ядовитая змея, которую я сама разбудила. Экран всё ещё светится последним сообщением от «Стажёра»:

«Лёшенька, почему ты молчишь? Ответь мне. Я волнуюсь... (красное сердечко)»

Сердце колотится так громко, что я слышу его в ушах. Будто кто-то бьет в барабан внутри моего черепа.

– Это ошибка, – шепчу в пустоту. – Это не он. Это какой-то другой Лёша. Или... или она ошиблась номером.

Я знаю, что вру себе.

Знаю с первой секунды.

Но мозг включает режим спасения: отрицание, отрицание, отрицание.

Я снова тянусь к ноутбуку и листаю сообщения вверх. Теперь медленно. Словно, если я буду читать их осторожнее, слова изменятся.

«Мальш, вчера было невероятно» – 14 марта.

«Когда повторим? Я без тебя скучаю» – 11 марта.

«Приезжай сегодня. Порадуй меня, что твоя жена в командировке» – вчера.

Жена в командировке...

Я не была в командировке уже полгода. Последний раз

ездила в октябре на конференцию в Ярославль. А вчера... вчера я была дома. Готовила пасту с морепродуктами, потому что муж сказал, что соскучился по моему фирменному рецепту. Мы ели ее за столом, потом перебрались на диван, смотреть сериал, а позже занимались любовью. Медленно, нежно, как всегда...

Закрываю глаза, и перед внутренним взором сразу всплывают картинки последних месяцев – те самые «мелочи», которые я старательно не замечала, а если замечала, то засовывала в дальний ящик сознания.

Началось всё в январе.

Тогда Алексей впервые пришёл в два часа ночи. Я проснулась от звука лязганья ключа в замке. Сердце ёкнуло: вдруг что-то случилось? Я выбежала в коридор в одной футболке. Он стоял, снимая ботинки, и пах... не своим одеколоном. Чем-то сладковатым, цветочным.

Я спросила, где он был, пытаюсь не показать тревогу. А он ответил, что корпоратив затянулся, и он с ребятами зашел в бар. После извинился, что не хотел меня будить, и быстро, как будто торопился, поцеловал в висок.

Я обняла его в ответ, уткнулась носом в шею... И тогда впервые ощутила тот запах. Чужой, мало похожий на мужской. Но я уверила себя, что это духи кого-то из коллег, или в баре он с кем-то сидел рядом. Необязательно знакомым. Там же всегда много народа, а столики стоят очень близко.

На следующий день муж спал до обеда. Я его не будила.

Приготовила завтрак и оставила его под клошем на столе вместе с запиской: «Люблю тебя даже сонного».

Когда он проснулся и увидел, обнял меня со спины, пока я мыла посуду, и прошептал: «Анют, ты у меня самая понимающая». Я растаяла, а про запах забыла...

Потом начались звонки.

Нечастые, но странные.

Алексей выходил на балкон, закрывал дверь, хотя раньше всегда говорил при мне. Я слышала обрывки: «Да, сейчас не могу... потом перезвоню... нет, не сегодня». Голос был почти обычным. Ну или чуть более мягким, чуточку вкрадчивым. Я спрашивала: «Кто звонил?» Он пожимал плечами: «Работа, новый клиент, нервный».

Один раз мобильник Алексея запиликал, когда он был в душе. Я глянула на экран, там высветилось имя: «Стажёр». Поняв, что это с работы, отвечать не стала. Просто положила телефон обратно. Когда муж вышел и увидел пропущенный, улыбнулся уголком губ и сказал, что это важно. Он ушёл говорить в кабинет, а я стояла в коридоре и думала: «Наверное, не хочет мне мешать своей беседой».

Я видела эти «звоночки», но убеждала себя. Каждый раз.
«Ты параноишь, Ань. У него стресс на работе. Новый проект, дедлайны, начальство давит. Он же тебе всё рассказывает»

Рассказывает?

Да, рассказывал.

Но всё реже.

Раньше мы могли болтать часами за ужином: про его коллег, про цифры в отчетах, про заказчиков, с которыми он встречается, про моих клиентов и идеи, про то, где хотим провести отпуск. В последние месяцы наши ужины стали сводиться к «Как прошёл день?» – «Нормально», «А у тебя?» – «И у меня также». Он все чаще стал зависать в телефоне. Я все больше думать о работе.

А в феврале Алексей забыл мобильный дома. Я нашла его на кухонном столе, когда вернулась с йоги. Экран был заблокирован, но пришло уведомление в мессенджере: «Стажёр: Фото».

В сердце кольнуло. Рука потянулась посмотреть... Но я не стала открывать. Убедила себя, что это не моё дело, и мы с мужем доверяем друг другу. Положила телефон обратно и ушла в душ. Стояла под горячей водой и плакала. Почему? Не знала. Просто плакала и всё.

Когда он вернулся вечером, я как бы между делом сказала:

– Алеш, ты телефон дома забыл.

– Ой, точно, – кивнул он мне и улыбнулся. – Спасибо, Ань, что не брала. Там важные рабочие чаты.

Он поцеловал меня в щёку и сразу полез в мессенджер. Я видела, как он чуть нервно и спешно что-то удалял, пальцы двигались слишком быстро. Но я молчала.

«Не хочу быть той женой, которая не доверяет и проверяет. Не хочу быть истеричкой. У нас же идеальный брак»,

– убеждала себя.

Идеальный.

Я повторяла это слово как мантру.

В начале марта он стал задерживаться чаще. «Совещание», «Презентация для инвесторов», «Нужно помочь новенькому с кодом». Однажды пришёл в одиннадцать, с красными глазами. Я уже лежала в кровати с книгой. Он упал рядом, обнял меня и сказал: «Прости, милая, я так устал. Ты – моя отдушина». Я улыбнулась, погладила его по волосам. Он уснул мгновенно, а я долго лежала и пялилась в потолок.

Ещё был тот вечер, когда я приготовила ужин и ждала до десяти. Муж не отвечал на сообщения. Я позвонила, он сбросил. Потом прислал эсэмэску: «Извини, в пробке, скоро». Приехал в половине двенадцатого. Губы чуть припухшие. Я спросила: «Ты ел?» Он ответил: «Да, перекусил с ребятами». А от самого тянет алкоголем и... вишнёвым блеском для губ?

Я отогнала мысль уже привычным: *«Мне кажется. Это просто усталость».*

Каждый раз я находила оправдание.

«Он меня любит. Он приносит кофе в постель. Он помнит, что я не ем бананы. Он целует меня перед сном. Мужчины иногда флиртуют на работе – это нормально. Главное, он домой возвращается ко мне».

Я даже с Катей об этом не говорила.

Однажды за кофе она спросила:

– Ань, а Лёшка не... ну... не изменился?

Я рассмеялась. Звонко. Очень звонко.

– Да ты что, Катюш! У нас всё супер. Просто работа бешеная.

А внутри что-то сжалось и заныло. Тихо, как шёпот. Как тот самый шепот сомнений, который я глушила музыкой, работой, сериалами, уборкой. Как-то, когда его долго ждала и не могла уснуть, я мыла полы в час ночи. А потом заказала себе дорожное кружевное бельё, чтобы быть ещё красивее. И стала чаще готовить его любимые блюда.

«Если я буду лучше, он не захочет никого другого» – крутилась в голове назойливая мысль.

Я не понимала тогда, что уже соревнуюсь с призраком...

Теперь, сидя на полу с его ноутбуком на коленях, я вижу всё это очень отчетливо. Как на ладони.

Все последние месяцы я жила в тумане. Сама себя усыпляла и успокаивала. Потому что правда казалась слишком страшной. Потому что, если признаться, что что-то не так, то придётся что-то делать. А я не хотела делать. Я желала, чтобы всё оставалось как раньше.

Я снова касаюсь тачпада и прокручиваю переписку чуть выше.

«Ты мой самый лучший секрет!» И следом эмодзи, посылающий воздушный поцелуй. От неё.

И его ей ответ: *«И ты моя. Скоро придумаем, как чаще видеться»*

Слёзы, наконец, прорываются. Горячие, злые.

Я не рыдаю. Нет.

Они просто тихо текут по щекам и капают на кнопки клавиатуры. Я стираю их подушечками пальцев и задаюсь вопросом:

«Почему я не замечала этого раньше? Почему не спрашивала прямо? Почему боялась быть той женой, которая задает вопросы и не боится быть неудобной?»

Сняв ноутбук с колен, возвращаю его на стол и поднимаюсь на ноги. Колени дрожат. Но держат, не подгибаются. Я подхожу к окну. За ним наш двор – тот самый, где раньше мы с Алексеем гуляли вечерами, держась за руки. Где он не раз говорил мне: «Анечка, я без тебя не могу».

Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу и закрываю глаза.

«Может, всё ещё можно исправить? Может, это просто кризис? Может, она – просто развлечение, а я – любовь всей жизни?»

Я ненавижу себя за эти мысли. Ненавижу за то, что даже сейчас, с доказательствами в руках, я ищу лазейку, чтобы остаться в иллюзии.

Слабачка?

Тихий короткий звуковой сигнал в ноутбуке привлекает внимание. Возвращаюсь. Новое сообщение.

«Лёша, ты меня пугаешь. Ответь. Всё хорошо?»

Губы дергаются.

Не в улыбке. В болезненном спазме.

Леша, наверное, занят, раз не отвечает. И я не отвечаю, хотя мысль мелькает. Но гашу ее и просто опускаю крышку ноутбука вниз, как будто ничего не произошло.

Выхожу из кабинета и иду на кухню. Наливаю себе воды. Руки трясутся так, что половина проливается. Но в кои-то веки я не спешу всё прибрать.

В голове ураган, и мысли мечутся испуганными птичками.

«Я не параною. Я вижу правду. Вижу. Но... может, я всё ещё ошибаюсь?»

Шепот сомнений не утихает. Он просто становится громче.

Я знаю, что вечером муж придёт домой. Улыбнётся, поцелует меня в макушку и спросит: «Как прошёл твой день, солнышко?»

И я не знаю, смогу ли улыбнуться в ответ.

Глава 3

Я сижу на кухне уже четвёртый час, не в силах пошевелиться. Чай в кружке давно превратился в холодную бурду с белой плёнкой сверху, но я всё равно сжимаю её пальцами, будто это последняя ниточка, которая держит меня в реальности.

Кухня, которая всегда казалась мне тёплым сердцем нашего дома – с этими жёлтыми занавесками, которые я шила сама, с магнитиками на холодильнике из наших поездок, с фотографией нас на свадьбе в рамке над столом – вдруг становится чужой. Стены давят, воздух густеет, будто превращается в сироп. Каждый вдох дается с трудом, будто кто-то сжимает мне грудь железными тисками.

Ноутбук Алексея остался в кабинете, но мне он уже не нужен. Я помню наизусть каждое слово, каждое сердечко, каждую фотографию, которая теперь выжжена у меня под веками. Я не удалила ничего. Не стёрла. Не спрятала.

Могла бы. Опредив его.

Но я хочу, чтобы он увидел это сам. Чтобы посмотрел мне в глаза и попытался объяснить. Хотя внутри уже всё кричит: «Никакого объяснения здесь не хватит!»

Часы на стене тикают так громко, что каждый удар отдаётся в висках.

19:28.

Обычно он приходит в 19:30 максимум, если не пишет: «Задержусь».

Сегодня написал в 18:47: *«Скоро буду, солнышко»*

И следом: *«Купить тебе мороженое с вишней?»*

Я прочитала и не ответила. Впервые за девять лет.

Дверь в подъезде едва слышно хлопает. Знакомый гул лифта. Мне даже мерещится, что я слышу Алешины шаги по лестнице. Лёгкие, чуть подпрыгивающие, как у человека, который спешит домой к любимой жене.

Ключ в замке. Щелчок. Моё сердце на секунду останавливается... и начинает биться так, будто хочет вырваться из груди.

– Ань! Я дома! – голос бодрый, звонкий, полный той самой любви, которой я верила каждое утро. – Принёс пломбир. Твой любимый. С вишней и шоколадной крошкой. И бутылку белого, чтобы расслабиться после твоего тяжёлого дня. Эй, Анют, ты слышишь меня? Как прошёл созвон с твоим нервным клиентом?

Шорох. Он скидывает обувь и входит на кухню. Уже без пальто, но в костюме. Галстук слегка ослаблен, волосы взъерошены ветром, на лице широкая улыбка, глаза светятся. В руках пакет из «Пятёрочки».

Подходит ко мне, наклоняется, чтобы поцеловать в губы – привычно, быстро, но с теплом.

Я резко отшатываюсь. Стул подо мной скрипит.

Он замирает. Улыбка начинает сползать, как маска, кото-

рая больше не держится.

– Аня? Что случилось? Ты бледная... плохо себя чувствуешь?

А я говорить не могу. Горло сжато, язык прилип к нёбу. Кое-как из себя выталкиваю:

– Где твой телефон?

Он еще не понимает, снова улыбается. Достает мобильный из кармана и мне протягивает.

– Держи.

«2805» – дата нашей свадьбы.

Подрагивающими пальцами ввожу пароль и сразу захожу в мессенджер. Открываю переписку со «Стажером» и только тогда, когда отдаю телефон мужу, смотрю ему в глаза.

Вижу и как его зрачки расширяются, и как кровь отливает от лица, оставляя сероватую бледность. Губы сжимаются в тонкую белую полоску. Подушечкой большого пальца он прикасается к экрану. Листает вверх. Один раз. Второй. Третий.

Тишина стоит оглушительная. Только тиканье часов и мой собственный пульс в ушах бомбит.

– Это... Ань, послушай... это не то, что ты думаешь.

Голос у него абсолютно чужой. Не уверенный, не тёплый. Дрожащий, как у пойманного на провинности ребёнка.

Я поднимаюсь. Ноги ватные, но я держусь за край стола, чтобы не упасть.

– Не то? – хриплю низким, совсем не своим голосом. –

«Малыш, вчера было невероятно»? «Ты мой самый лучший секрет!»? «Приезжай сегодня. Порадуй меня, что твоя жена в командировке»? Это не то? А фото, где она в твоей рубашке – в *МОЕЙ* рубашке, Лёша! – это тоже не то?

Он кладет телефон на стол, будто тот обжигает ему пальцы. Поднимает руки, будто сдаётся.

– Солнышко, давай сядем и поговорим. Давай я всё объясню. Это... это просто глупость. Она – новая стажёрка в отделе, Виолетта, ей двадцать четыре. Она... она пристаёт ко всем парням, флиртует направо и налево. Мы один раз выпили после работы, она пролила вино на блузку, попросила мою рубашку... это была шутка. Ничего не было. Клянусь.

– Клянешься? – меня пробивает на смех. Сухой, горький, без капли радости. Царапающий горло, как наждачка. – Ты клялся мне в загсе, Алексей. «В горе и в радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас». Помнишь своим слова? Или они тоже были шуткой?

На последних словах прорываются слёзы. Горячие, злые, они текут по щекам, капают на футболку. Я не вытираю. Пусть видит. Пусть видит, что он наделал.

Алексей приближается ко мне, пытается обнять.

– Аня, пожалуйста... я люблю тебя. Ты – моя жена. Она – ничто. Просто... кризис среднего возраста, стресс на работе, я запутался... но это ничего не значит. Я сейчас удалю всё, заблокирую, больше никогда...

Я отталкиваю его руки. Сильно. Так, что он отступает на

шаг.

– Не трогай меня. Не смей.

В голове вспыхивают картинки, как в калейдоскопе. Утром позавчера – кофе в постель, его губы на моей шее. Вчера вечером – мы занимаемся любовью, он шепчет: «Ты моя единственная». А между этим он переписывается с ней. Находится с ней.

Сколько раз он уходил «на корпоратив», «на совещание», «помочь коллеге»?

Сколько ночей я лежала одна, оправдывая его, а он...

– Как давно? – кричу шёпотом, потому что голос пропадает. – Сколько месяцев ты мне врёшь?

Он отводит взгляд.

– Два... три месяца. Но это несерьёзно, Ань. Я не люблю её. Я люблю тебя.

Три месяца. Девяносто дней. Две тысячи сто шестьдесят часов.

Сколько раз он целовал меня, обнимал, говорил: «Я без тебя не могу» – и потом шёл к ней?

Мир начинает рушиться прямо здесь и сейчас. На нашей кухне.

Пол под ногами будто проваливается. Стены кренятся. Фотография над столом, где мы счастливые улыбаемся в день нашей свадьбы, превращается в насмешку. Всё, что я долгие годы считала своим, оказывается декорацией. Наш брак, наш дом, мои чувства – всё является ложью.

Я хватаю со стола кружку с холодным чаем и швыряю в стену. Она разбивается с громким звоном, осколки разлетаются по плитке. Коричневая лужа стекает по стене на пол.

– Убирайся, – произношу тихо. Потом громче. – Убирайся из моего дома!

Он стоит, не двигаясь, бледный, глаза неверяще широко распахнуты.

– Аня... пожалуйста... давай поговорим. Не делай так...

– Убирайся! – ору в полный голос. Крик вырывается из самого нутра, раздирает горло. – Или я полицию вызову! Ты мне больше не муж! Ты – предатель!

Он отступает к двери. Поднимает руки.

– Хорошо... хорошо... я уйду на ночь. Вернусь завтра, и мы всё обсудим. Я люблю тебя, Ань. Помни это.

Шаги. Хлопок двери. Тишина обрушивается, как лавина.

Еще секунду я стою посреди кухни. Среди осколков разбитой кружки и разбитой жизни. А потом ноги подкашиваются, и я оседаю вниз. Прямо там, где стою. Обхватываю колени руками и рыдаю. Громко, с подвываниями. Не красиво, как в фильме. А истерично, как ребёнок, которого бросили. С соплями и слюнями.

Мой мир рухнул. Не медленно, не постепенно – за одну секунду. За тот момент, когда я открыла переписку мужа. За тот момент, когда он вошёл и улыбнулся, уверенный, что всё у него зашибись.

Я больше не счастливая жена Анна Воронова.

Я – женщина, которой только что вырвали сердце.

И в этой пустоте, в этой боли, которая жжет каждую клетку, я агонизирую и сгораю дотла. Плачу и горю одновременно.

И не могу остановиться.

Глава 4

Я сижу на полу кухни. Одна. И время словно останавливается.

Не замедляется, а именно останавливается.

И пусть часы на стене продолжают тикать, каждый их удар звучит как сквозь вату, далёкий и нереальный.

Я плохо ощущаю свое тело. Оно будто чужое: руки не слушаются, ноги онемели, точно я провела в неудобной позе много часов, хотя прошло всего минут десять после того, как хлопнула дверь.

«Убирайся!»

Я сказала это. Я прокричала это. И он ушёл.

Теперь в квартире стоит тишина. Такая густая, что давит на уши. Ни шагов в коридоре, ни его голоса из душа, ни привычного «Ань, я дома!». Только моё дыхание – короткое, рваное, как будто я бежала марафон и не могла остановиться.

Не в силах больше бездействовать, пытаюсь встать. Но колени подгибаются, и я снова оседаю, ударяясь локтем об пол.

Мне не больно. Мне никак.

Только пустота внутри, огромная, чёрная, как дыра после взрыва. В этой дыре раньше жило всё: наши девять лет, его улыбки по утрам, вкусный запах его кожи, планы на будущее, которые мы строили. Всё это теперь выжжено дотла.

«Как такое могло случиться? – мысль крутится по кругу,

как заезженная пластинка. – Как я не заметила? Почему я была такой слепой?»

Вторая попытка подняться оказывается более удачной. Цепляясь за стены, добредаю до дивана в гостиной. Сажусь и снова обхватываю себя руками. В нелепой попытке удержать то, что осталось от меня. Почему нелепой? Потому что внутри ничего не держится. Всё сыпется, как песок сквозь пальцы.

Первая волна приходит внезапно.

Не слёзы. Что-то большее. Горло словно железная рука сжимает. Воздуха перестает хватать. Я открываю рот, как рыба, выброшенная на сушу, пытаюсь вдохнуть, но получается только хрип. Грудь вздымается, но воздух не поступает. Паника бьет в виски.

«Я умираю. Сейчас. Прямо здесь. От разбитого сердца».

Руки дрожат. В груди жжется. Я хватаю телефон и набираю 103. Палец висает над зеленой иконкой и не нажимает.

Что я скажу? Муж изменил, приезжайте? Они посмеются и посоветуют: «Пейте валерьянку, дамочка». Отбрасываю телефон на диван. И закрываю глаза.

Мне вспоминается наш первый год. Как мы жили в съёмной однушке на окраине, денег хватало только на гречку и курицу. Алексей приходил с работы, уставший, но всегда с цветком – одним-единственным, сорванным по дороге. «Для моей любимой». Я смеялась, ставила в банку из-под сметаны. Мы занимались любовью на старом диване, который

скрипел на весь дом, и после лежали, обнявшись, и мечтали: «Купим квартиру, родим сына, полетим в Италию».

Сын так и не родился. Квартиру купили – да. Билеты в Италию – нет. А теперь и мужа нет.

Слёзы прорываются снова. На этот раз с воем. Громким, протяжным, как плач раненого зверя. Я зажимаю рот ладонью, но он прорывается сквозь пальцы. Подтягиваю к себе подушку и кричу в нее, бью ее кулаками, пока костяшки не начинают гореть.

Почему она? Ну почему? Потому что моложе? Красивее? Что во мне не так? Я толстая? Я скучная? Я недостаточно его хотела?

Каждый вопрос режет, как нож.

Не находя покоя, пошатываясь встаю и иду в спальню. Наша кровать. Огромная, с белым бельём, которое я меняю каждую субботу. Его подушка ещё хранит запах. Хватаю её, прижимаю к лицу и вдыхаю. Запах бьет в грудь, как кулак.

Отшатываюсь. Швыряю подушку в стену, потом срываю одеяло, простыни, наволочки. Всё летит на пол. Топчу их ногами. Плачу и кричу:

– Ненавижу! Ненавижу тебя! Ненавижу себя!

Силы кончаются быстро. Я падаю на голый матрас, сворачиваюсь калачиком и просто дышу. Точнее, пытаюсь. Каждый вдох короткий, поверхностный. Лёгкие горят. В голове стучит: «Не могу дышать... не могу... сейчас умру...».

Я вспоминаю, как мы поссорились всего два месяца назад.

Из-за ерунды. Он забыл купить молоко. Я накричала, а он обнял меня и сказал: «Прости, солнышко, я исправлюсь». И исправился. Купил не только молоко, ещё мои любимые пирожные и букет. Я растаяла. А он уже тогда... уже тогда писал ей.

Накрывает новой волной боли.

Я вскакиваю с кровати и несусь в ванную. Открываю кран и сую голову под холодную воду. Вода течет по волосам, по лицу и шее, мочит футболку и смешивается со слезами.

Задираю голову и смотрю в зеркало. В нем отражается женщина. Страшная: глаза красные, опухшие, волосы мокрые, космами, губы искусаны до крови.

Кто ты? Где моя Анна? Где та, которая смеялась каждое утро?

Отражение молчит. А я сползаю по стене ванной на пол. Кафель холодный, а мне всё равно. Я сижу так долго. Минуты? Часы? Не знаю.

Из гостиной доносится сигнал входящего сообщения. Чуть погодя еще один. Я не реагирую. Только когда слышу звонок, кое-как поднимаюсь и плетусь посмотреть.

Катя.

Телефон вибрирует и пиликает, но я не отвечаю.

А что я ей скажу? Катюш, он мне изменил?

Звучит так пошло, так банально. Как в дешёвом сериале...

А это моя жизнь.

Моя. Жизнь.

Я ложусь на диван прямо так. В мокрой футболке. Закрываю глаза. Хочу отключиться хоть ненадолго. Но сон не идет. Вместо него опять воспоминания, яркие, как вспышки.

Наша свадьба. Я в белом платье, он в чёрном костюме, смотрит на меня так, будто я чудо. «Ты самая красивая невеста в мире». Танец под «Perfect» Эда Ширана. Его руки на моей талии.

Медовый месяц в Сочи. Мы катались на катамаране, я боялась, он держал меня и шептал: «Я тебя никогда не отпущу».

Первый юбилей. Он подарил кольцо с гравировкой «Навсегда твоя». Я носила его до сих пор.

Теперь я срываю кольцо с пальца и швыряю в угол. Оно звякает о плинтус и затихает.

Меня накрывает болью. Не физической, но от этого не менее сильной. Она везде. Под рёбрами, в животе, в горле. Я сворачиваюсь сильнее, обхватываю подтянутые к груди колени. Дыхание снова сбоит.

«Вдохни... выдохни... медленно...» – повторяю я про себя, как на йоге.

Не помогает. Сердце колотится так, будто хочет выскочить.

В какой-то момент я встаю и иду на балкон. Ночь темная, холодная, мартовская. Ветер пробирает до костей. Я стою в одной футболке, босиком, и смотрю на огни города. Где-то там он. У друга? У неё? Может, уже в её постели, утешает

её: «Жена узнала, но я люблю только тебя»?

Мысль ударяет так сильно, что я сгибаюсь пополам, едва не давясь желчью, что поднимается по пищеводу. Меня трясет и снова пробивает на слезы. Теперь тихие.

Возвращаюсь в квартиру. Снова ложусь на диван.

Телефон звонит опять. Мама. Я не беру.

Потом ещё раз звонит. Катя.

Не хочу никого слышать. Отключаю звук.

Ночь тянется бесконечно. Я то плачу, то лежу в оцепенении, то вскакиваю и хожу кругами по комнате. Считаю шаги. Семнадцать до окна. Семнадцать обратно.

В четыре утра я наконец чувствую, что могу дышать чуть глубже. Не нормально, но хотя бы не умираю.

– Завтра будет новый день, – уговариваю себя. – Я встану. Я буду жить. Я не сломаюсь.

Но это ложь.

Потому что внутри всё ещё рушится. Мир, который я знала, больше не существует.

И в этой чёрной дыре я остаюсь одна.

Совсем одна.

Я закрываю глаза. И впервые за ночь не засыпаю, а буквально проваливаюсь в вязкую черную пустоту.

Глава 5

Утро приходит не как спасение, а как новая пытка.

Я открываю глаза в семь утра, но не потому, что выпалась – сна почти не было. Только короткие провалы в забытьи, где мне виделось, как я бегу по коридору бесконечной квартиры, а за спиной раздаётся его смех и женский голос зовет: «Лёшенька!».

Я просыпаюсь потому, что всё тело болит так, будто меня избили. Шея затекла от неудобной позы, глаза режет, в горле ком, который никак не проглотить, сердце колотится, и подушка мокрая.

С тихим стоном переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Тот самый, на который мы когда-то клеили светящиеся звёзды в первую ночь в этой квартире.

– Чтобы даже в темноте было наше небо, – говорил мне он.

Теперь эти звёзды кажутся насмешкой.

Лежать больше не могу, поднимаюсь и иду к окну. Одергиваю штору и морщусь. Солнце бьет в глаза и жжёт сетчатку. Но я не отхожу и не зажимаюсь. Пусть жжёт.

Телефон на столе мигает. Сообщение от него:

«Доброе утро, солнышко. Я приеду в десять. Нам обязательно нужно поговорить. Я всё объясню. Я люблю тебя больше жизни. Прости меня за всё».

Перечитываю три раза.

Солнышко...

Слово, от которого раньше таяло сердце, теперь вызывает тошноту.

Я не отвечаю. Опускаю мобильник на стол и иду в душ. Стою под горячей водой минут двадцать, скребу кожу мочалкой до красноты, будто так могу смыть вчерашний день.

Но не выходит.

Он не смывается.

Он въелся в меня, как чертова татуировка.

В девять пятьдесят пять поворачивается ключ в замке, и сердце ухает куда-то вниз.

Я замираю посреди гостиной. Растрепанная. В старой футболке. Его футболке. Некоторые привычки слишком живучи.

Алексей входит тихо, почти крадучись. В руках огромный букет белых тюльпанов, коробка эклеров с заварным кремом и пакет с апельсиновым соком. Всё то, что я люблю.

Внешний вид не лучше, чем у меня. Глаза красные, под ними синяки, щетина, костюм вчерашний, помятый.

– Аня... – голос дрожит. Он на секунду замирает на пороге, после чего делает шаг ко мне. – Я всю ночь не спал. Сидел у друга, думал. Я виноват перед тобой. Сильно. Я – последняя сволочь. Но давай поговорим. Как два взрослых человека, которые девять лет любили друг друга. Пожалуйста.

Он протягивает мне цветы.

Я не реагирую. Как стояла, так и стою, не шелохнувшись. Просто смотрю ему в лицо. В те глаза, в которые я смотрела каждое утро и думала: «Вот он, мой человек».

– Говори.

Удивительно, но мой голос звучит ровно и холодно. Внутри же бушует пожар.

Алексей кладет цветы и пирожные на журнальный столик, садится на диван и сжимает пальцы так, что костяшки белеют.

– Это началось случайно. В январе, на корпоративе в «Атриуме». Виолетта – она стажёрка, только недавно устроилась к нам в офис. Она подсела ко мне в баре. Мы выпили, разговорились про работу. Она меня расспрашивала и слушала по-настоящему. А ты в то время была загружена проектом для того немецкого клиента, помнишь? Постоянно в делах и на телефоне. Да мы с тобой почти не виделись. А с ней я почувствовал себя... живым, интересным. И когда мы расходились у такси, один раз поцеловались. Я думал – один раз и всё, останавлиюсь. Но... оно как-то само закрутилось. Мы стали встречаться. Не часто. Пару раз в месяц. Я говорил себе, что это временно. Что я люблю только тебя. Что это просто... отдушина.

Каждое слово падает мне на грудь, как камень в колодец. Я стою неподвижно, но внутри всё кипит.

– Отдушина, – повторяю тихо. – Значит, я была работой. А она твоей отдушиной. Красиво.

Алексей зарывается пальцами в волосы и качает головой.

– Нет, Ань, ты не так поняла. Ты – моя жена. Моя жизнь. Она – ничто. Просто молодая девчонка, которая льстила моему эго. У меня кризис, понимаешь? Тридцать восемь лет, карьера на пике, давление от начальства, а дома... ты стала какой-то отстранённой. Мы мало занимались сексом в последнее время, ты всегда уставшая... Я запутался. Но я уже всё прекратил. Вчера вечером заблокировал её везде, удалил переписку. Я готов даже на психолога. На всё. Только не прогоняй меня.

Алексей говорит и говорит, но я цепляюсь за его определение меня, и внутри ярость вскипает, горячая, густая, как лава. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

– Отстранённая? Я? – повторяю неверяще. – Алеша, потвоему, я была отстранённой?! Муж мой дорогой, я работала по десять-двенадцать часов в день, чтобы мы могли побыстрее выплатить ипотеку! При этом я никогда не забывала приготовить тебе ужин. Каждый чертов вечер, даже когда сама падала от усталости, я готовила тебе ужин из твоих любимых блюд! Я ждала тебя ночами, оправдывала тебя перед мамой и Катей, когда ты приходил в два часа ночи! А ты в это время трахал её и писал ей: «Ты мой самый лучший секрет»?!

Меня рвет на части от злости. Я хватаю вазу – ту самую, хрустальную, подарок от его родителей на пятилетие свадьбы – и с размаху швыряю в стену. Она разлетается вдребезги. Осколки осыпаются на пол, как дождь.

– Ань, успокойся! – он подскакивает на ноги.

А я ору еще громче.

– Не смей мне говорить «успокойся»! – голос срывается, но я продолжаю. – Я успокоюсь, когда закончу! Три месяца, Лёша! Девяносто дней ты мне врал в глаза! Приносил кофе в постель, целовал меня и шёл к ней! А когда я спрашивала: «Кто звонит?», ты говорил мне: «По работе»!

Он пытается подойти ближе, протягивает ладонь, намереваясь коснуться.

– Я был слаб. Мужчины иногда...

– Мужчины?! – отталкиваю его так сильно, что он на пару шагов отступает назад. – Не смей прятаться за «мужчины»! Ты – мой муж! Ты обещал! В загсе, мне, моим родителям и даже своим! Пока смерть не разлучит нас! И что? Моя отстраненность – это та самая смерть? Это она нас с тобой разлучила?!

Снова прорываются слёзы. Я их не вытираю. Пусть видит. Пусть осознает, что натворил. На эмоциях хватаю его чертёвы эклеры и запускаю коробку в него.

– Ты говорил ей то же самое? – кричу, всхлипывая. – Что она лучшая? Что ты без нее не можешь? Ты нас сравнивал, да? Когда ты лежал в койке с ней, ты думал обо мне? Или уже нет?

Он стоит сгорбленный. Лицо бледное.

– Нет... Ань, пожалуйста... я никогда вас не сравнивал. Ты – моя жена. Она – ошибка. Я уже всё понял. Давай нач-

нём заново. Купим путёвку, слетаем, куда ты хотела – в Рим. Пойдём к психологу. Я изменяюсь.

– Изменишься? – смеюсь сквозь слёзы, горько, истерично.
– Ты уже изменился. Для неё. Для меня ты был «занятым мужем». А для неё – «малышом», – припоминаю очередную эсэмэску. – Я видела фото, Лёша. Видела, как ты смотришь на неё. Ты никогда так на меня не смотрел в последние годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.